Информация для цитирования:

Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Правовое положение граждан как субъектов управления социальными рисками // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 576–603. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-576-603.

Istomina E. A., Fedorova M. Yu. *Pravovoe polozhenie grazhdan kak sub'ektov upravleniya sotsial'nymi riskami* [Legal Status of Individuals Subjects of Social Risk Management]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 49. Pp. 576–603. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-576-603.

УДК 349.3

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-576-603

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРАЖДАН
КАК СУБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ РИСКАМИ**

Е. А. Истомина

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового права
Уральский государственный
юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21

ORCID: 0000-0003-4984-7627

ResearcherID: X-2041-2019

E-mail: eistomina2011@gmail.com

М. Ю. Федорова

Доктор юридических наук, профессор, советник
Конституционный Суд Российской Федерации
190000, Россия, г. Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, 1

ORCID: 0000-0002-3680-759X

ResearcherID: AAM-6627-2020

Статьи автора в БД «Scopus»/ «Web of Science»

DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.02.89

E-mail: fmulawkc@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2019

Введение: статья посвящена анализу действующего законодательства России, отдельных зарубежных стран, научных взглядов отечественных и зарубежных ученых на правовое положение граждан как субъектов правоотношений по социальному обеспечению в свете концепции управления социальными рисками. **Цели и задачи:** на основе современного представления о социальных рисках изучить статус граждан как активных субъектов управления социальными рисками, обладающих специфическими правами и обязанностями. **Методы:** анализ и синтез научной и правовой информации; исторический; сравнительно-правовой. **Результаты:** в настоящее время социальное обеспечение следует рассматривать как важную часть системы управления социальными рисками. На основе анализа особенностей названных рисков делается вывод о том, что им в значительной степени свойственна субъективная характеристика, которая предполагает более активное, нежели ранее, участие граждан в этой сфере. Рассматриваются не только правосубъектность граждан в рамках социально-обеспечительных правоотношений, но и – в более широком контексте – их субъектность в сфере управления социальными рисками. Привлечены примеры законодательного регулирования соответствующих общественных отношений в зарубежных странах – Французской Республике, Великом Герцогстве Люксембург, Соединенных Штатах Америки. Обосновываются различные модели участия граждан в системе управления социальными рисками. В зависимости от степени активности различных субъектов управления социальными рисками и

распределения между ними ответственности за защиту от социального риска выделены патерналистская, рыночная (либеральная), смешанная (комплексная), переходная модели. В зависимости от степени заинтересованности индивида в защите от социального риска и готовности к самостоятельным действиям в этом направлении обозначены такие модели управления социальными рисками, как активная и пассивная (включающая в себя индифферентную и иждивенческую модели). **Выводы:** предложен новый подход к пониманию социальных рисков и защиты от них, в том числе посредством социального обеспечения, а также к роли граждан как субъектов управления названными рисками.

Ключевые слова: социальный риск; социальное обеспечение; управление социальными рисками; модели управления; гражданин; правовой статус; социальные предоставления

LEGAL STATUS OF INDIVIDUALS AS SUBJECTS OF SOCIAL RISK MANAGEMENT

E. A. Istomina

Ural State Law University
21, Komsomolskaya st., Ekaterinburg,
620137, Russia

ORCID: 0000-0003-4984-7627

ResearcherID: X-2041-2019

E-mail: eistomina2011@gmail.com

M. Yu. Fedorova

Constitutional Court of the Russian Federation
1, Senatskaya ploshchad, St. Petersburg, 190000, Russia

ORCID: 0000-0002-3680-759X

ResearcherID: AAM-6627-2020

Articles in the databases 'Scopus' / 'Web of Science'

DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.02.89

E-mail: fmulawkc@mail.ru

Received 30.11.2019

Introduction: the article analyzes current legislation of Russia and some foreign countries as well as the views of Russian and foreign scholars on the legal status of individuals as subjects of the social security legal relations in the context of the social risk management (SRM) conceptual framework. **Purpose and objectives:** based on the modern ideas of social risks, to study the status of individuals as actors within the SRM system having specific rights and responsibilities. **Methods:** analysis and synthesis of scientific and legal information, historical and comparative methods. **Results:** today social security is considered a vital part of the SRM system. Having analyzed the specific features and dynamics of social risks, the authors conclude that to some considerable degree these risks are subjective in nature, which should determine a more active role of individuals. The article analyzes not only the legal personality of individuals in the social security legal relations but also – in a broader context – their agency in the SRM system. The authors provide examples of legislative regulation in some foreign countries: the French Republic, the Grand Duchy of Luxembourg, the United States of America. Different models of the individuals' participation in the SRM system are presented. Based on the extent of different SRM subjects' involvement and the distribution of the responsibility for the protection against social risks among them, the authors identify paternalistic, market-based (liberal), mixed (complex), and transitional models. Based on the extent of the individual's interest in the protection against social risks and their readiness for taking actions in this sphere, the authors distinguish active and passive SRM models (with the latter one including indifferent and parasitical models). **Conclusions:** the paper offers a new approach to the understanding of social risks and protection against these (including through social security), and also to the role of individuals as subjects of social risk management.

Keywords: social risk; social security; social risks management; management models; individual; legal status; social provisions

Введение

Возникновение и развитие национальных систем социального обеспечения в любом государстве сопровождается поиском ответов на вопросы о том, в каких случаях, на каких условиях и в каком объеме гражданину должна гарантироваться поддержка за счет общественных ресурсов. По мере формирования и распространения опыта создания таких систем соответствующие стандарты социального обеспечения получают фиксацию в международно-правовых документах в области прав человека. Следствиями этого становятся включение права на социальное обеспечение в международные (универсальные и региональные), а также национальные в каталоги прав человека, стремительное развитие законодательства о социальном обеспечении и практики его применения.

Это, в свою очередь, ставит перед юридической наукой ряд задач, от успешного решения которых зависит повышение эффективности национальных систем социального обеспечения, придание им необходимой гибкости в расчете на негативные экономические сценарии при помощи применения правовых средств. Указанные процессы с неизбежностью затрагивают права и интересы граждан, реализации которых и отвечает система социального обеспечения. Параметры этой системы, а также критерии допустимости их изменения в условиях дефицита публичных ресурсов должны определяться таким образом, чтобы минимизировать возможные негативные последствия для граждан.

В связи с этим ключевое значение в науке права социального обеспечения придается вопросам правового статуса гражданина в указанной сфере. Им уделяется большое внимание в российской и зарубежной учебной литературе [7; 17; 21]. Этой тематике посвящен целый ряд диссертационных исследований, в которых, в частности, раскрывалось содержание правосубъектности граждан в сфере социального обеспечения и анализировался спектр обязанностей государства по предоставлению социальных выплат, благ и услуг [6; 10; 14; 15].

Переход к рыночной экономике, которой объективно присущ рисковый характер, сопровождался возобновлением интереса к категории

риска, в том числе социального риска [1; 8; 16]. В отраслевой науке права социального обеспечения сложилось понимание социального риска только как основания для социального обеспечения (объективная концепция социального риска). Между тем по мере усиления динамизма общественных отношений и усложнения их структуры такой подход все чаще демонстрирует свою недостаточность. Во многом это обусловлено возрастанием потребности в выработке адекватных современным условиям механизмов правового воздействия на социальные риски.

В этих целях авторы предлагают к обсуждению оригинальный (объективно-субъективный) подход к пониманию сущности и структуры социального риска, определению различных моделей управления социальными рисками и роли граждан в указанных процессах.

Развитие подходов к защите от социальных рисков в современном обществе

Восприятие современной жизни как индивидуальными, так и коллективными субъектами в значительной степени связано с категорией риска. В настоящее время выделяют различные виды рисков – хозяйственные, предпринимательские, экологические, радиационные, профессиональные и др. Риск постепенно «перешагнул» сферу экономики, страхования и стал категорией, органически свойственной жизни индивидов, коллективов, общества. Под влиянием изменений во всех сферах жизни, процесса глобализации экономики и политики, научно-технического прогресса появляются новые риски, характер и масштабы проявления которых также не остаются неизменными, могут усиливаться и ослабевать. Сообразно этим тенденциям должна развиваться и система защиты от рисков. Ощущение риска, непредсказуемости настоящего и будущего пронизывает практически все сферы общественной жизни, что У. Бек точно назвал «обществом риска». Исследования в области столкновения общества с рисками и востребованность разнообразных способов защиты от них породили ряд новых дисциплин – психологию риска, философию риска, социологию риска [22, р. 23]. Весьма распространенным стал системный взгляд на риск и разработка концепций управления рисками.

Сегодня очевидно, что защита от рисков не может быть сведена только к преодолению их последствий. Не менее, если не более важными, признаются прогнозирование и предупреждение рисков, их оценка и минимизация, в том числе посредством их распределения между индивидуальными и коллективными субъектами. Такого рода комплексное воздействие представляет собой управление социальными рисками – процесс целенаправленного, постоянного воздействия на риски, в результате которого должно быть сформировано новое, более соответствующая потребностям субъекта реальность защищенности. Поиск оптимальных методов управления рисками, по нашему мнению, является важнейшей теоретической и прикладной задачей для разных областей научного знания.

Не является исключением и право. Ни одна отраслевая юридическая наука не может оставаться в стороне от принятых изысканий, обеспечивая тем самым «специализацию» исследования рисков в зависимости от того, какие именно их виды наиболее характерны для общественных отношений, регулируемых той или иной отраслью права. Что касается права социального обеспечения, то его основополагающей категорией является социальный риск, который в общем определяется как основание для предоставления пенсий, пособий, компенсаций, социальных услуг. Однако более детальное исследование природы социального риска, его динамики, возможностей защиты демонстрирует, что рассматриваемый подход – управление социальными рисками – неизбежно должен иметь место и в отраслевой науке.

Специфика социальных рисков связана с биосоциальной сущностью человека и закономерностями функционирования общества, в силу чего определяются положение человека в обществе и тем самым структура общества. Социальные риски в этом плане характеризуют статус человека, который по причинам объективного и субъективного характера никогда не может быть абсолютно стабильным.

Комплексное воздействие на социальные риски осуществляется многими отраслями права – финансовым, административным, отчасти трудовым, гражданским. В одних случаях они «выступают» совместно, в других – воздействуют последовательно либо замещают друг друга, обеспечивая защиту от социального рис-

ка на разных этапах его развития и реализации. Отраслевые, межотраслевые, междисциплинарные исследования приобретают особую актуальность ввиду глубинных изменений, происходящих в последнее время в социальной политике многих государств.

При этом право социального обеспечения «ответственно» за наиболее важный этап защиты от социальных рисков, а именно за последствия их реализации. Способы, объемы и пределы компенсации последствий уже реализовавшихся социальных рисков наиболее значимы для граждан. Можно сказать, что эта отрасль права принимает на себя самую сложную задачу – обеспечить в условиях реализации социального риска жизнедеятельность индивида, семьи, общества.

Восприятие наукой и практикой социального риска как основания социального обеспечения, гарантированного государством, изменялось по мере развития государств, обществ, экономики. Ретроспективный анализ демонстрирует, что возникновение и развитие социального вспомоществования и социального обеспечения имеют давнюю историю. Изначально помощь – нуждающимся как лицам, по современной терминологии, попавшим в ситуацию социального риска, основывалась на традициях общины, нормах семейной взаимопомощи, моральных нормах о благотворительности и т. п. Лишь в конце XIX – начале XX в. в законодательстве, в трудах ученых появились первые указания на случаи, при наступлении которых граждане могли рассчитывать на поддержку со стороны государства.

Представления о необходимости защиты от социального риска сконцентрировались в идее расширения сферы действия института социального обеспечения, способного гарантировать основной доход всем нуждающимся и полное медицинское обслуживание, закрепленные в Филадельфийской декларации (принята Международной организацией труда в 1944 г.)¹.

Однако, как отмечают специалисты, беспрецедентный рост расходов в части социального обеспечения во второй половине XX в., который получил название «Золотой эры» развития государств всеобщего благосостояния,

¹ Филадельфийская декларация: принята Генер. конференцией МОТ 10 мая 1944 г.). URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_393/doc393a291x165.html.

постепенно закончился. Экономические сложности (начиная с нефтяных кризисов 70-х гг. XX века), старение населения привели к тому, что многие промышленно развитые государства приблизились к границе невозможности социальных выплат. Попытки сдержать рамки повышающихся расходов привели даже к переименованию «государств всеобщего благосостояния» в «Hollow State», «Enabling State» – «государства-пустышки», «неспособные государства» [30, pp. xv–xviii]. Развитие системы социального обеспечения в нашей стране, как известно, шло по несколько иному пути, однако к настоящему времени также характеризуется активным переосмыслением роли государства в этой сфере.

В 1988 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в своих работах впервые употребила термин «Active Society» – «активное государство» [30, p. xvii]. Основная идея заключалась в реализации политики, акцентирующей, поощряющей участие самих граждан в защите от социальных рисков, снижении уровня негативного социального иждивенчества. Такой подход к развитию систем социального обеспечения предполагал активизацию усилий индивидуальных (самих граждан) и коллективных (семьи, коллективов работников, их представителей, всего общества в целом) субъектов в сфере защиты от социальных рисков, разумное, обоснованное расходование средств на соответствующие цели.

С другой стороны, обозначенное выше продуцирование рисков неизбежно ставит вопрос об оценке в качестве социальных рисков обстоятельств, ранее таковыми не признававшихся, и установлении систем защиты от них. Как отмечают ученые, неполные семьи, пожилые люди, не имевшие стабильной работы в течение экономически активной жизни, чаще других сталкиваются с бедностью. Новые социальные риски также обусловлены возрастающим значением психологических и социальных факторов, влияющих на удовлетворение потребностей индивидов. Социальные деструкции (стресс, проблемы мобильности, депрессия, одиночество, злоупотребление наркотиками и др.) все более поражают социум и не всегда могут быть компенсированы путем предоставления уже существующих пособий в системе социального обеспечения, хотя и имеют серь-

езные последствия, влияющие на настоящую жизнь и будущее людей [24].

Эта весьма непростая проблема требует комплексного подхода, что подчеркивает значимость разработки концепции управления социальными рисками и здесь важное место должно быть отведено правовой составляющей.

Управление социальными рисками мы предлагаем определять как воздействие на поведение людей и общественные отношения, опосредующие различные элементы структуры социальных рисков, – фактор риска, социально-рисковое событие (причину риска) и его последствия, с целью защиты от социальных рисков путем предупреждения их возникновения либо компенсации их последствий на основе совокупности коллективных и личных усилий.

Данный подход неизбежно ставит вопрос о субъектах названной системы, главный из которых – государство, признающее те или иные обстоятельства причинами социальных рисков, финансирующее мероприятия по компенсации рисков. Гражданам в этой системе традиционно отводилась роль пассивных субъектов – получателей социальных предоставлений. Между тем сегодня вопрос о правовом положении граждан в указанной сфере, на наш взгляд, нуждается в исследовании с учетом современных экономических, политических и социальных процессов, т. е. в свете концепции управления социальными рисками.

Социальные риски как объекты управления и как основания социального обеспечения

Социальным рискам уделяется достаточно много внимания как в отечественной, так и в зарубежной науке. К примеру, по мнению Р. Кастеля, социальный риск – это предсказуемое событие, затраты на компенсацию которого могут быть определены математически. Его можно контролировать, тем самым обеспечивая защиту от него. Основным механизмом такой защиты является обязательное страхование, гарантирующее населению обеспечение при наступлении соответствующих рисков. Оно предполагает значительную степень вмешательства государства и общества, принявших на себя коллективную ответственность за риски [20, p. 7].

Ж.-Ж. Дюпейру указывает, что риски, обуславливающие потребность граждан в социаль-

ном обеспечении, могут как проистекать из жизни общества, так и быть вызваны сугубо индивидуальными причинами. Данные риски препятствуют нормальной жизни либо ограничивают ее в отношении как индивидов, так и целых сообществ. В их числе: человеческая природа (старение, инвалидность, смерть); общественная жизнь (бедность, нестабильность); обстоятельства, которые одновременно являются и внутренними, и внешними по отношению к человеку (войны, эпидемии, др.) и др. Они негативно воздействуют на жизнедеятельность граждан, их возможности в плане социальной активности. Они лежат в основе конструкций защиты, опосредованных понятиями социальных рисков, потребностей, обязательств [21, р. 189]. Такие конструкции формализованы в праве.

Система социального обеспечения призвана защитить граждан от неблагоприятных последствий социальных рисков. Как отмечает профессор Р. Листер, обычно социальное страхование рассматривается как инструмент перераспределения денежных средств определенным группам населения с целью их защиты от риска и предупреждения либо, по крайней мере, смягчения их обнищания. Однако его можно понимать и как ощущение безопасности при столкновении с риском [27, р. 1].

В отечественной науке права социального обеспечения в целом существует единство мнений по вопросу о признании социальных рисков в качестве оснований социального обеспечения. Несмотря на забвение этого термина в советский период развития отраслевой науки, сегодня он восстанавливает свои позиции и прочно входит в ее понятийный аппарат.

В то же время следует отметить, что здесь преобладающим является объективный подход к социальным рискам, предполагающий незначительную степень причастности индивидов к развитию и реализации таких рисков. По существу, за индивидами признается лишь право на обращение за социальным предоставлением в установленном законом случае. Многие ученые даже отождествляют причины социальных рисков с самими рисками. К примеру, М. Л. Захаров и Э. Г. Тучкова под социальными рисками предлагают понимать основания (старость, инвалидность, потерю кормильца, временную нетрудоспособность и др.), с которыми связан риск утраты источника средств к существова-

нию и которые признаются обществом уважительными [7, с. 26, 32].

Е. Е. Мачульская рассматривает социальные риски несколько объемнее и обосновывает определение соответствующего понятия посредством указания на вероятность наступления материальной необеспеченности из-за утраты заработка, дохода от трудовой деятельности или внутрисемейного содержания по экономическим (безработица), физиологическим (старость, инвалидность, материнство) или демографическим (многодетность, потеря кормильца) причинам [15, с. 27]. А. Ю. Поваренков в целом поддерживает указанную точку зрения и предлагает понимать эти риски как угрозу наступления неблагоприятных материальных последствий для физического лица, характеризующуюся полным лишением дохода как единственного источника средств существования для него и для членов его семьи, порождающую необходимость установления правовых средств по компенсации таких последствий [16, с. 16].

Безусловно, социальные риски являются основаниями социально-обеспечительных обязательств, в рамках которых граждане выступают получателями социальных выплат и услуг, государство в лице уполномоченных органов и учреждений обязано осуществлять соответствующие действия (оценивать социальные риски, определяя право лица на материальное благо, и затем компенсировать их посредством социальных предоставлений).

Однако, по нашему мнению, социальный риск и как основание социального обеспечения, и, в более широком контексте, как объект управления, является более объемной и комплексной категорией. Сущность социального риска точнее всего может быть охарактеризована посредством выявления его динамики, включающей в себя несколько последовательных этапов, определяемых как хронологически, так и содержательно.

Первый этап – это фактор риска, или внешнее обстоятельство, в той или иной степени способствующее его проявлению. Как правило, факторы риска (сезонные эпидемии заболеваний, аварии, катастрофы, течение времени, геополитические факторы, др.) не зависят от воли людей, носят объективный характер. На этом этапе управление социальными рисками может заключаться в предупреждении их даль-

нейшего развития. К примеру, поддержание здорового образа жизни способствует сохранению работоспособности человека, профилактике заболеваний в периоды различных эпидемий (грипп, ОРВИ). Диспансеризация в соответствии со статьей 46 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»¹ проводится в целях раннего выявления хронических неинфекционных заболеваний (состояний), определения необходимых профилактических, лечебных, реабилитационных и оздоровительных мероприятий для граждан с выявленными хроническими неинфекционными заболеваниями и (или) факторами риска их развития.

Второй этап – причина социального риска – определенное событие либо состояние (к примеру, нетрудоспособность, малообеспеченность и др.), с которыми закон связывает возникновение права на социальное обеспечение. Они в наиболее полной мере отражают существо регулируемой ситуации, когда лицо может претендовать на получение социальных выплат и услуг. При этом не все обстоятельства, порождающие материальную необеспеченность (как снижение либо утрата дохода, так и повышенные расходы), являются основанием для компенсации социального риска. Так, занятость сама по себе не предполагает назначения пособия по безработице, предоставления социально-трудовых услуг, государственной социальной помощи. Индивид может проявить инициативу в поиске работы, иных форм занятости. Кроме того, имея хотя бы некоторые накопления, человек может в течение определенного периода времени пытаться самостоятельно справиться с ситуацией.

Третий этап в динамике социального риска – его неблагоприятные последствия. Рисковое событие (причина) и последствия могут быть разделены во времени, могут практически совпадать, но они не едины. При этом обозначенные последствия не возникают сами по себе, без рискованного события (причины), а иногда и фактора риска. Негативное последствие – проявление общего признака опасности риска для человека – можно считать непосредственным индикатором потребности в компенсации социально-рисковой ситуации посредством соци-

ального обеспечения. Именно в этих целях государством учреждается национальная система социального обеспечения.

Неблагоприятные последствия социального риска – это, в сущности, невозможность удовлетворения жизненно важных потребностей человека. Социальные предоставления, гарантированные ему в подобных случаях системой социального обеспечения, – это средства преодоления (компенсации, минимизации) неблагоприятных последствий социального риска. Данный тезис подтверждается статьей 25 Всеобщей декларации прав человека², в которой зафиксировано право любого человека на пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, достаточное для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, а также право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты источника средств к существованию по обстоятельствам, не зависящим от него.

Таким образом, социальный риск характеризуется определенной динамикой развития и для целей социального обеспечения окончательно проявляется как неблагоприятные последствия социально-рисковой ситуации, т. е. как результат обозначенной динамики. Субъективная сущность явления социального риска заключается в осознанной лицом невозможности реализовать свои жизненно важные потребности, что заставляет его обратиться за поддержкой к государству – за социальными выплатами и услугами. Это, как и некоторые иные обстоятельства, указывает на особую роль граждан в управлении социальными рисками в рамках национальных систем социального обеспечения.

На уровне нормативного правового регулирования государство признает социальные риски, закрепляя эту категорию в законах как основание предоставления различных мер защиты. Поэтому можно говорить о том, что индивид выступает как субъект, передающий социальный риск, ведь ему этот риск и угрожает, именно в отношении индивида могут наступить неблагоприятные последствия, делающие не-

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (ред. 07.03.2018 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

возможным удовлетворение его жизненно важных потребностей. Гражданину принадлежит право «распорядиться» социальным риском, преодолевая его самостоятельно либо передавая его иным субъектам, уполномоченным на оказание ему помощи и поддержки, а в соответствующих случаях – обязанным таковую предоставить.

Субъекты, принимающие риск, делают это в силу закона, договора, моральной или религиозной обязанности и тому подобных оснований. Это могут быть специальные (институциональные) субъекты, такие как государство, негосударственные пенсионные фонды, страховые компании, медицинские или благотворительные организации и т.п. Это и семья, и другие социальные группы, а также государство, муниципальные образования, коммерческие и некоммерческие организации, на основе согласования имеющихся у них интересов осуществляющие в системе защиты от социальных рисков присущие им либо возложенные на них функции на этапах целеполагания, подготовки, принятия, реализации и оценки эффективности общих и персонифицированных управленческих решений.

Так, возможно принятие отдельных социальных рисков работодателями как субъектами социального партнерства. Принцип свободы обсуждения и включения условий в тексты коллективных договоров и соглашений, закрепленный в статье 24 Трудового кодекса РФ¹, допускает, что в них могут содержаться положения, направленные на социальную поддержку работников, их дополнительное социальное, в том числе пенсионное страхование и обеспечение, а также на профилактику социальных рисков. Безусловно, акты социального партнерства не имеют силы закона, которым государство гарантирует право на социальные предоставления, это взаимные обязательства, принимаемые на себя сторонами. Именно в этом контексте работодатель (объединение работодателей) обязуется принимать участие в управлении социальными рисками, включая их финансирование, администрирование и компенсацию, а также (в необходимых случаях) профилактику.

Так, Отраслевым тарифным соглашением по горно-металлургическому комплексу Российской Федерации на 2020–2022 годы предусмотрено, что в случае гибели работника в результате несчастного случая на производстве либо острого отравления, связь с производственной деятельностью которого подтверждена соответствующими материалами, работнику выплачивается (сверх установленных законодательством сумм) единовременное пособие в размере не менее годового заработка на каждого члена семьи погибшего работника, включая нетрудоспособных и родившихся после его смерти детей (в случае беременности вдовы на момент гибели работника), исчисленного за последние 12 месяцев, за счет средств работодателя. Коллективным договором указанные нормы материальной поддержки семьи погибшего могут быть повышены².

Закрепленные в вышеназванной статье Трудового кодекса РФ принципы обязательности выполнения коллективных договоров и соглашений, контроля за их выполнением, придают актам социального партнерства необходимую юридическую силу и демонстрируют потенциал такого способа правового воздействия на социальные риски.

Поэтому предлагаем понимать под социальными рисками обусловленные биосоциальной природой человека и закономерностями функционирования общества, прогнозируемые вероятности возникновения внешнего обстоятельства (фактора риска), порождающего событие или состояние (причину риска), которое приводит к неблагоприятным последствиям (невозможности удовлетворения жизненно важных потребностей), преодоление которых возможно путем их распределения между человеком и обществом в лице государства или иных социальных институтов.

Следует подчеркнуть, что комплексность социального риска, по нашему мнению, заключается и в том, что внешняя сторона, обозначенные этапы его динамики и содержания – лишь один из его аспектов. Подчеркнем еще раз, что социальный риск как объект управления, в том числе как основание социального обеспечения не может рассматриваться в отрыве

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3.

² Отраслевое тарифное соглашение по горно-металлургическому комплексу Российской Федерации на 2020-2022 годы. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/agreements/1316>.

ве от его субъекта – лица, которое оказывается в социально-рисковой ситуации и претерпевает ее негативные последствия. И если общепринятым в науке является представление о риске как выборе варианта действий, осуществляемого лицом среди существующих, для социального риска, на наш взгляд, в значительной степени характерен психологический подход к пониманию рисков – через призму осознания, восприятия риска лицом.

Свобода распоряжения правами, принадлежащая преимущественно гражданам, как одна из особенностей правового регулирования отношений в сфере социального обеспечения [17, с. 55], подразумевает значительный объем диспозитивности и усмотрения в поведении лица. На этапе индивидуального правового регулирования, когда социально-обеспечительные обязательства возникают в виде относительных правоотношений, основанием для предоставления социального обеспечения служит волеизъявление гражданина в форме письменного заявления. Обращаясь с таким заявлением к уполномоченному органу или организации, гражданин, реализуя свое право, тем самым передает конкретный социальный риск государству или иному субъекту, чтобы получить социальные выплаты или услуги. Таким образом, субъект осуществляет волевое действие, вызванное осознанием наступления социального риска и заявлением об этом.

Можно утверждать, что социальный риск всегда персонифицирован, по существу, он «принадлежит» гражданину. Без восприятия риск остается теоретической конструкцией, не способной претвориться в жизнь и заставить функционировать механизм его компенсации. Иные составляющие системы управления рисками превратятся в абстрактные, не имеющие практического применения (следовательно, неэффективные) действия. Это позволяет предположить, что социальным рискам в значительной степени присущи субъективные характеристики.

Отметим, что субъективная концепция риска исследуется в науке достаточно активно и давно. Так, А. П. Альгин рассматривает риск как деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата,

неудачи и отклонения от цели [1, с. 81]. Представители психологической науки рассматривают риск как характеристику действия, а не само действие, как личностную (субъективную) оценку вероятности угрозы, ущерба, неблагоприятного исхода, а не вероятности достижения цели. В названной трактовке риск отражает сознательную деятельность и является характеристикой сознательно действующего субъекта [2, с. 324]. Существует мнение, что выбор действия и само действие – это две стадии произвольной активности человека для достижения цели в одной и той же ситуации риска. Поэтому под риском предлагается понимать взаимодействие объектов с угрозами и опасностями. Взаимодействие означает, что человек не только подвергается внешней опасности, но и сам создает опасности, которые при наличии определенных условий и обстоятельств могут привести к неблагоприятному исходу. Таким образом, человек выступает и как объект, и как субъект риска [8, с. 12–13, 16].

Безусловно, не вся динамика социального риска субъективна. Факторы риска почти всегда существуют независимо от того, осознает их индивид или нет. Причины риска также не всегда зависят от его воли, но в них в большей степени проявляется характеристика риска как выбора варианта поведения в условиях неопределенности. Так, реализовав право на периодическую диспансеризацию, лицо получает возможность узнать о некоторых заболеваниях на ранней стадии (в том числе различных онкопатологиях) и не допустить их усугубления. В отношении такого лица труднопреодолимый либо непреодолимый социальный риск, требующий дорогостоящей поддержки со стороны государства, может и не возникнуть. Но даже здесь для того, чтобы был запущен в действие механизм социального обеспечения в виде предоставления бесплатной медицинской помощи, необходимо осознание лицом реализации социального риска, ведь необходимым предварительным условием медицинского вмешательства, по общему правилу, является информированное добровольное согласие гражданина (ч. 1 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). В случае отказа от лечения заболевание может приобрести хронический (необратимый) характер и обусловленный им социальный риск будет невозможно компенсировать в полной мере.

Поэтому неблагоприятные последствия (невозможность удовлетворения жизненно важных потребностей) закрепленных в законе обстоятельств остаются лишь вероятностью, пока лицо их не воспримет и не заявит об этом. Любое социальное предоставление (будь то выплата или услуга) требует заявления лица о его назначении. Такое заявление может делаться самим лицом либо законным представителем от его имени, если само лицо в силу различных причин неспособно осознать реализацию социального риска в отношении себя либо декларировать его вовне (это может касаться малолетних детей, недееспособных или ограниченно дееспособных граждан).

Субъектность граждан в сфере управления социальными рисками

Н. Луман справедливо указывал, что «сам по себе внешний мир не знает никакого риска, ибо ему неведомы ни различия, ни ожидания, ни оценки, ни вероятности – разве что собственные результаты наблюдающих систем в окружающем мире других систем» [13, с. 139].

Мы исходим из того, что субъектом социального риска всегда является человек. Социальные риски угрожают людям, так как последствия возникновения таких рисков связаны с нарушением нормальных условий жизни людей (утратой или снижением дохода, болезнью, старостью, отсутствием заботы со стороны близких и т.п.). Поэтому защита от социальных рисков должна быть гарантирована каждому, кто в ней нуждается, и в результате она приобретает персонифицированный характер.

В рамках социально-обеспечительных правоотношений, направленных на компенсацию неблагоприятных последствий социальных рисков, одним из субъектов всегда выступает индивид. Несмотря на то что в науке права социального обеспечения высказывается предложение о признании семьи субъектом соответствующих правоотношений, отметим, что даже в случаях, когда целевым назначением социального предоставления выступает улучшение положения семьи (например, предоставление материнского (семейного) капитала), выразить волю от ее имени надлежит конкретному лицу, которое выступит непосредственным получателем, – матери либо отцу детей.

Зарубежное законодательство также определяет физическое лицо как субъекта отношений по социальному обеспечению. К примеру, действующая система социального обеспечения Франции, согласно статье L.111-1 Кодекса социального обеспечения, «призвана гарантировать любому лицу, работающему в стране или постоянно проживающему в ней, на законных основаниях возмещение расходов в связи с болезнью, рождением и воспитанием детей, др.»¹ Статьей 269 Книги IV Кодекса социального обеспечения Люксембурга² предусмотрено, что основным субъектом обеспечения семейными пособиями являются дети, в определенных случаях – члены семьи, в которой они проживают. Статья 270 Кодекса определяет, что показатель состава семьи имеет ключевое значение при определении размера пособий. Поэтому полагаем логичным рассматривать именно граждан в качестве основных субъектов социально-обеспечительных правоотношений.

Их правовой статус в этой сфере уже был объектом научных исследований в отечественной науке. Так, Ю. С. Мацулевич выделил две составляющие правоспособности граждан. Первая, названная им постоянной, рассматривается как совокупность юридических возможностей правообладания на все виды социального обеспечения, свойственные этой системе в определенный период времени. Переменная часть правоспособности, по словам автора, объемлет конкретные юридические возможности правообладания на определенное социальное предоставление, наступающее у отдельного гражданина, при наличии обстоятельств, закрепленных в качестве правовых оснований социального обеспечения. Объем содержания дееспособности конкретного гражданина включает ту совокупность юридических возможностей, которые гражданин может активировать во всех социально-обеспечительных правоотношениях. Правосубъектность гражданина с момента рождения возникает лишь в самом общем виде, т.е. юридическая способность быть носителем всех прав и обязанностей у него

¹ *Code de la sécurité sociale*. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?sessionId=EAFD9893DC483A64657C3C0A682E8FD6.tpdila11v_1?idSectionTA=LEGISCTA000006155998&cidTexte=LEGITEXT000006073189&dateTexte=20160929 Art. L.111-1.

² *Grand Duché du Luxembourg. Code de la Sécurité Sociale*. URL: http://www.legilux.public.lu/leg/textescoordonnes/codes/code_securite_sociale/code_securite_sociale.pdf.

здесь существует на стадии общего обладания. И лишь с наступлением определенных правовых оснований правообладание гражданина персонифицируется [14, с. 6–7].

Л. А. Гречук выделяет социально-обеспечительную и специальную правоспособность. Первая, по ее мнению, характеризуется тем, что фиксирует возможности каждого лица; вторая, будучи частью отраслевой правоспособности, включает возможности, обусловленные правовой ролью (ветеран труда, одиноко проживающий пенсионер, др.) или юридическим условием (наличие общего либо специального страхового стажа, выслуги лет определенной продолжительности). Кроме того, Л. А. Гречук выделяет два вида дееспособности: общую, возникающую с момента, когда действующим законодательством гражданину предоставляется возможность своими действиями реализовывать принадлежащие ему права, и специальную, связанную также с моментом появления правовой роли или юридического условия [6, с. 8–9].

В. Ш. Шайхатдинов выделяет общую для всех граждан правоспособность, возникающую с момента рождения, и субъективное право на социальное предоставление как результат реализации лицом своей правоспособности при наличии юридических фактов. Дееспособность он определяет как способность лица своими действиями приобретать права и создавать для себя юридические обязанности, а также нести ответственность за ненадлежащее их осуществление [17, с. 108].

При внешних различиях приведенных суждений можно отметить общую составляющую, своего рода «ядро» правосубъектности граждан как получателей социальных выплат и услуг. Она прямо вытекает из конституционных гарантий реализации предоставленного каждому права на получение социального обеспечения в случаях, установленных законом. Такой подход традиционен для права социального обеспечения, где физическое лицо рассматривается как управомоченный субъект, обладающий исключительно правами в материальных правоотношениях, в процедурных – как правами, так и некоторыми обязанностями. Забота о нетрудоспособных, престарелых гражданах, лицах, имеющих детей, – главный постулат советского законодательства о социальном обеспечении, которым, по справедливому

замечанию О. С. Курченко, был предопределен дисбаланс в распределении ответственности за социально-экономическое благополучие личности. Советское государство не проявляло заинтересованности в создании экономико-правовых механизмов, направленных на активизацию усилий личности в обеспечении собственного благополучия в социально-рисковых ситуациях [10, с. 11].

Означает ли указанное, что у лица нет обязанностей по защите от социальных рисков? Представляется, что патерналистский подход, в рамках которого индивид не рассматривается как активный субъект в названной системе, роль которого сводится к получению социальных предоставлений в случаях, на условиях и в сроки, установленные законом, в настоящее время требует известного обновления, сохраняя свое значение лишь в отношении лиц, объективно (в силу малолетнего или преклонного возраста либо состояния здоровья) неспособных самостоятельно позаботиться о своем благополучии. В условиях рыночной экономики провозглашается высокая степень ответственности граждан за свое жизнеобеспечение, в государстве происходит переосмысление социальной политики, постепенно обосновывается иное понимание, предполагающее активное участие граждан в системе управления социальными рисками.

Активное участие человека в управлении социальными рисками является необходимым условием функционирования всей рассматриваемой системы. Более того, его статус в качестве субъекта риска непосредственно определяет и его статус как субъекта управления социальными рисками. Выполняемые человеком социальные роли (члена семьи, трудового коллектива, общественной организации и т. п.) обуславливают наделение свойством субъектов управления социальными рисками соответствующих социальных групп, которые могут быть задействованы в данной системе в рамках ее правовых (например, когда речь идет о возложении на родителей юридической обязанности по воспитанию детей, осуществлению заботы и ухода за ними, а также в иных ситуациях, в частности обуславливающих возникновение алиментных обязательств) либо внеправовых (их можно назвать партикулярными, так как они не предполагают юридизации соответствующих обязанностей субъектов) моделей.

С этой точки зрения человек как субъект управления вправе, а в ряде случаев обязан принимать на себя определенные виды социальных рисков, будучи родителем или усыновителем несовершеннолетнего ребенка, работодателем и т. п.

Очевидно, что не все формы управления социальными рисками требуют обязательного правового опосредования. Поэтому, по нашему мнению, применительно к управлению социальными рисками и роли граждан в этой системе более уместно говорить о статусе гражданина в этой сфере исходя не только из его правосубъектности, но и из его субъектности. Субъектность – более высокий уровень развития личности, поскольку, по словам ученых, это способность человека к тому или иному целеполаганию и соответствующей поставленным целям активности – экономической, политической, социальной. Такая способность не статична, она развивается. Очевидно, что чем более отдаленными являются социально значимые и адекватные возможностям, человек ставит и осуществляет действия по их достижению, тем более развита и социализирована личность, тем выше уровень ее субъектности [9, с. 78].

Кроме того, ученые характеризуют субъектность как высший уровень субъективности человека. Это, по их мнению, такая форма социальной активности, которая характеризует личность с позиций ее способности к самоопределению, действительных возможностей реализации значимых потребностей, интересов и целей в аспекте реальной власти над природными, психическими и социальными силами. Такое понимание субъектности определяет ориентиры для многих наук (психологии, политологии, менеджменту, праву, социологии, др.).

Поэтому субъектность необходимо понимать как значимое качество, обеспечивающее развитие и саморазвитие личности, качество, позволяющее изменять окружающий мир и себя, руководствуясь собственной системой ценностей, способность выбирать способ репрезентации этой активности в мире, включая фактор ответственности за последствия этого выбора. Можно считать, что человек, характеризующийся высоким уровнем субъектности, самостоятелен, успешен в предметно-практической деятельности (учебной, трудовой), вместе с тем такой человек – творец собственной жизни,

он способен адекватно оценивать способы деятельности, контролировать ее ход и результаты, изменять ее приемы [5, с. 142].

Становление субъектности человека в сфере управления социальными рисками предполагает, на наш взгляд, оптимизацию соотношения его статусов в качестве субъекта социального риска, обладающего социально-обеспечительной правосубъектностью, и субъекта управления таким риском. Это означает, что наряду с наличием у человека законных ожиданий относительно поддержки при наступлении социальных рисков, которые приняли на себя государство или иные субъекты, он сам должен проявлять заинтересованность в формировании дополнительных уровней защиты от таких рисков, в предупреждении их возникновения и наиболее эффективном преодолении.

Такой подход согласуется с принципами социального правового государства, прежде всего отражая единство и взаимосвязь прав и обязанностей. Каждый человек не только пользуется правами, но и имеет обязанности. Речь идет об обязанностях по отношению как к другим членам общества и обществу в целом (социальных обязанностях), так и к самому себе (индивидуальных обязанностях). «Обязанности, имеющиеся у человека по отношению к себе, выступают свидетельством некоторых позитивных социально-психологических качеств индивида, его меры требовательности к себе, уровня его нравственного и гражданского сознания. Любая обязанность, помимо того, что связана с решением непосредственно практической задачи (т. е. обеспечением предметного блага, стоящего за осуществлением той или иной обязанности), одновременно является и способом самоутверждения человека в обществе и государстве» [4]. С этой точки зрения наличие у человека обязанности (равно как и осознание им такой обязанности) участвовать в предупреждении социальных рисков, а также принимать на себя в той или иной степени последствия их реализации и компенсировать их собственными усилиями дает ему моральные (а в ряде случаев и правовые) основания для передачи социального риска государству или иным субъектам на тот случай, если у самого человека не окажется возможности самостоятельно преодолеть социально-рисковую ситуацию.

Отсюда следует вывод: гражданин не вправе безразлично относиться к социальным рискам. Напротив, как субъект управления, он должен стремиться к социально ответственному поведению, предполагающему осознание того, что какие-то социальные риски ему будут компенсированы полностью, какие-то лишь в определенной части, а какие-то он будет нести сам.

Кроме того, современное законодательство содержит положения относительно того, чтобы лицо обращалось за социальным обеспечением не только в формально закрепленных случаях, но и обоснованно, т. е. именно тогда, когда оно действительно нуждается в поддержке государства. Это предполагает осознание человеком правил функционирования системы управления социальными рисками, готовность следовать этим правилам. Достижению этих целей способствует, в частности, развитие договорных начал при предоставлении тех или иных видов социального обеспечения. Так, государственная социальная помощь может оказываться малоимущим гражданам на основании социального контракта в целях стимулирования их активных действий по преодолению трудной жизненной ситуации. Это предполагает разработку программы социальной адаптации, включающей обязательные для реализации получателями государственной социальной помощи мероприятия, например такие, как поиск работы, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование, осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности, ведение личного подсобного хозяйства. Государственная социальная помощь оказывается при условии полной и своевременной реализации гражданином предусмотренных данной программой мероприятий, а в противном случае ее оказание может быть прекращено органом социальной защиты в одностороннем порядке¹.

Формированию у граждан адекватного представления о функционировании системы управления социальными рисками способствует также установление юридической ответственности за правонарушения в сфере социального обеспечения, которые чаще всего выра-

жаются в представлении поддельных документов либо сокрытии информации, необходимой для назначения тех или иных выплат. Наряду с правовосстановительными санкциями в виде взыскания излишне выплаченных сумм пенсий или пособий могут применяться санкции штрафного характера (например, предусмотренные статьями 15.32 и 15.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² административные штрафы за нарушение сроков регистрации в государственных внебюджетных фондах, а также за предоставление им соответствующих документов и (или) сведений). Кроме того, предусмотрена и уголовная ответственность за мошенничество при получении выплат, под которым понимается хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат (ст. 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации³).

Основные модели управления социальными рисками и роль граждан в их функционировании

Роль субъектов управления социальными рисками в осуществлении данного процесса варьируется на различных этапах развития национальных систем социального обеспечения. В частности, гражданин может ограничиться ролью получателя социальных предоставлений, а может выступать активным субъектом, не только создающим дополнительные уровни защиты от социальных рисков для себя и своей семьи, но и принимающим непосредственное участие в формировании защитных механизмов в профессиональном или территориальном сообществе (например, посредством организации и осуществления благотворительной деятельности).

¹ О государственной социальной помощи: Федер. закон Рос. Федерации от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 29, ст. 3699.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

Не остается неизменной и роль государства, которое под влиянием экономических, политических, демографических и прочих факторов может корректировать систему социального обеспечения в направлении как усиления защиты от последствий социального риска, так и ужесточения условий ее предоставления.

При этом в зависимости от степени участия того или иного субъекта (в том числе индивида) в создании и функционировании механизмов защиты от социальных рисков можно говорить о различных моделях управления такими рисками. В зависимости от того, в рамках каких моделей предоставляется защита от риска, персонифицированный характер такой защиты может обеспечиваться только в общеустановленных рамках (как, допустим, в публично-правовых моделях) либо путем дополнения перечня мер защиты, гарантированного всем, мерами, определяемыми в отношении конкретного лица или социальной группы (в частноправовых или смешанных, партнерских моделях).

Управление социальными рисками можно характеризовать исходя из разных критериев. Анализ действующего законодательства, практики его реализации позволяет выделить различные модели в зависимости от степени активности индивида, его заинтересованности в защите от социального риска, готовности предпринимать самостоятельные действия в этой сфере.

Важный аспект, характеризующий модели управления социальными рисками, – степень активности субъектов управления социальными рисками и распределение между ними ответственности. Здесь можно выделить следующие модели управления социальными рисками: патерналистскую, рыночную (либеральную), смешанную (комплексную), переходную.

Патерналистская модель управления социальными рисками, на наш взгляд, была в той или иной степени свойственна всем системам социального обеспечения на начальных этапах их развития, однако в наиболее концентрированном виде проявилась в период существования СССР. Основная нагрузка возлагалась на государство как субъект, принимающий на себя практически всю полноту ответственности.

Страны Западной Европы, позиционирующие себя как государства всеобщего благосостояния, «сочетали» гарантированность защиты от социальных рисков и реальное содействие

граждан, что проявлялось в первую очередь в их участии в финансировании этой системы. Граждане, занятые экономически активной деятельностью, традиционно несут часть финансовой нагрузки системы социального обеспечения, уплачивая долю страховых взносов на будущие социальные предоставления. Это, безусловно, влечет большую степень ответственности в части защиты от социальных рисков, повышает интерес к перспективам развития этой системы.

Патернализм системы управления социальными рисками в СССР имел под собой совершенно иную экономическую основу: он был обусловлен институтом общегосударственной собственности, фактором тотального обобществления средств производства. Граждане не обладали никакими обязанностями в сфере защиты от социальных рисков, объем их потенциальных притязаний был четко очерчен нормами права. Возможности увеличения размера денежных выплат, гарантированных государством, были незначительными. Так, в соответствии с законом СССР от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях», максимальный размер пенсии по старости составлял 120 рублей, а половина (10 % из 20) надбавки за длительный непрерывный стаж работы на одном предприятии, в учреждении или организации (свыше 25 лет для мужчин и 20 лет для женщин, при условии, что они имеют общий стаж не менее 35 и 30 лет соответственно) устанавливалась сверх максимального размера пенсии, который при подобном подсчете увеличивался до 132 руб. в месяц (ст. 13 и 14)¹. Даже система социального страхования, исторически возникшая как правовой механизм защиты от социального риска, в СССР функционировала скорее как способ финансирования мероприятий по социальному обеспечению трудящихся.

В этом направлении развивалась и научная мысль. Ни юридическая наука, ни оформившееся в середине XX века как самостоятельная отрасль право социального обеспечения не признавали конструкции, которые мы сегодня характеризуем как социальные риски. В эпоху СССР риск считался чуждой советскому обществу категорией. Государственная регламента-

¹ О государственных пенсиях: закон СССР от 14 июля 1956 г. // Ведомости ВС СССР. 1956. № 15, ст. 313; 1986. № 22, ст. 363 (утратил силу).

ция всех сфер общественных отношений, господствовавшая идеология даже не предусматривали ни возможных случайностей в жизни людей, ни значительного количества вариантов выбора.

Начиная с 20-х гг. прошлого века в науке утверждалось, что в сфере социального обеспечения наступление старости, инвалидности, временной нетрудоспособности, семейные обязанности (беременность и роды, воспитание детей) были основанием проявления заботы государства о своих гражданах. Направление научных исследований определялось политическими запросами, хотя фактически речь шла о социальных рисках. Наука права социального обеспечения была существенно идеологизирована, можно сказать, даже в большей мере, чем другие отраслевые юридические науки. Достижения советского государства в сфере социального обеспечения представлялись как доказательство преимущества системы социализма, а исследования зачастую носили пропагандистский характер.

Патерналистская модель управления социальными рисками, возможно, не имела альтернативы в тот исторический период, однако после проведения коренных социально-экономических преобразований она не могла быть сохранена в неизменном виде, поскольку способна была порождать иждивенческие устремления получать поддержку от государства и общества, не давая ничего взамен, не участвовать в развитии экономики, улучшении благосостояния членов общества.

Следует отметить, что на определенном этапе необходимость изменения рассматриваемой модели стала очевидной и в СССР имели место определенные попытки ее корректировки посредством расширения сферы участия граждан в защите от социальных рисков. 20 августа 1987 г. Советом Министров СССР и ВЦСПС было принято постановление «О введении добровольного страхования дополнительной пенсии для рабочих, служащих и колхозников»¹. Изначально в соответствии с указанным актом вступить в правоотношения по добровольному страхованию дополнительной пенсии могли

рабочие, служащие и колхозники – экономически активное население страны. Год спустя круг субъектов был несколько расширен. Право заключать указанные договоры было предоставлено женщинам, воспитывающим двух или более детей в возрасте до 16 лет и в связи с этим не работающим².

Названные лица могли заключать договор добровольного страхования на получение дополнительной пенсии, получая таким образом статус страхователей. Была нормативно установлена дифференцированная шкала страховых взносов, которая зависела от возраста страхователя, срока страхования и размера дополнительной пенсии. Страховые взносы, а также средства государственного бюджета СССР, направляемые на эти цели (в равных долях), аккумулировались в специальном страховом фонде. Эти средства были источником для выплаты дополнительной пенсии.

Размер пенсии также дифференцировался: он мог составлять 10, 20, 30, 40 или 50 руб. в месяц, но не более. При этом пенсия выплачивалась при условии уплаты всех причитающихся по договору страхования страховых взносов.

Взносы рассматривались как собственность гражданина. Страхователь был вправе в любое время до истечения срока страхования досрочно прекратить договор страхования и получить уплаченные им взносы за вычетом расходов органов управления по проведению этого вида страхования. Гражданин мог выбирать периодичность получения дополнительной пенсии – ежемесячно или ежегодно. В случае его смерти уплаченные взносы (за некоторыми исключениями, связанными с продолжительностью выплаты уже установленной дополнительной пенсии) должны были выплачиваться либо лицам, указанным в завещательном распоряжении, либо ближайшим родственникам.

Таким образом, при наличии определенных преимуществ патерналистская модель управления социальными рисками имеет и значительные недостатки, компенсировать которые можно путем установления дополнительных механизмов защиты от социальных рисков.

¹ О введении добровольного страхования дополнительной пенсии для рабочих, служащих и колхозников [Электронный ресурс]: постановление Совета министров СССР и ВЦСПС от 20 авг. 1987 г. № 976. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Утратило силу).

² См.: О совершенствовании условий добровольного страхования дополнительной пенсии для рабочих, служащих и колхозников: постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 дек. 1988 г. № 1464 // Свод законов СССР. 1990. Т. 5. С. 656. (Утратило силу).

Рыночная (либеральная) модель управления социальными рисками, напротив, характерна для государств с многоукладной экономикой и предполагает основное участие именно граждан. Система социального обеспечения здесь в большей степени приватизирована, основывается на частном, корпоративном страховании рисков. Основной массив услуг социальной направленности не является безвозмездным для граждан.

Государство не является активным участником этой системы. Для западных стран такая модель более характерна, поскольку там нет настолько большого объема государственной собственности. Государство устанавливает основные принципы функционирования системы в законодательстве, контролирует исполнение.

Однако, как и патерналистская модель управления социальными рисками, она не может быть достаточно эффективной, поскольку не имеет универсального характера. Не все граждане могут пользоваться рыночными, частноправовыми механизмами защиты от социальных рисков, поэтому государство должно выступать гарантом хотя бы минимального уровня такой защиты.

Показательна в этом отношении система защиты от социальных рисков в США. По данным Управления социального обеспечения оно является основным источником дохода для большинства пожилых людей. Девять из десяти лиц в возрасте 65 лет и старше получают пособия по социальному обеспечению; 50 % работников частного сектора не имеют частных пенсионных счетов; 36 % работников утверждают, что они и их супруги не имеют личных накоплений на старость.

В то же время, согласно расчетам, в 2019 году около 64 млн американцев получают социальные предоставления по государственной программе социального страхования, составляющие в совокупности более одного триллиона долларов. По состоянию на декабрь 2018 г. около 64 млн человек были получателями пенсий по старости. Выплачивалось пенсий на общую сумму 64 млрд долл. При этом средняя сумма пенсии составляла 1 461 долл.

Именно поэтому указанное Управление США акцентирует внимание на том, что «социальное обеспечение предоставляет больше, чем просто пенсии». Американцы называют это уверенностью в завтрашнем дне, поскольку по-

рядка 175 млн работников подпадают под действие государственной программы социального страхования [23].

Как справедливо отмечает Л. Ф. Лебедева, активное развитие системы добровольного пенсионного страхования в целом способствует повышению совокупного дохода пенсионеров, которые все больше убеждаются в необходимости выработки пенсионной стратегии, предусматривающей сочетание обязательных и дополнительных видов страхования, личных пенсионных счетов, иных видов накоплений. Однако в отсутствие государственной программы пенсионного страхования уровень бедности во многих штатах превышал бы 30 %, а в некоторых – и 50 % [12, с. 1058].

Смешанная (комплексная) модель управления социальными рисками характерна для многоуровневых систем социальной защиты, когда государство гарантирует некий минимальный уровень защиты от основных социальных рисков, а иные социальные институты и сам гражданин несут ответственность за создание и функционирование дополнительных форм такой защиты. Данная модель фиксирует черты и патерналистской, и либеральной моделей. Можно сказать, что в настоящее время именно такая модель управления социальными рисками свойственна большинству государств.

В рамках комплексной модели один и тот же социальный риск может быть принят различными субъектами, каждый из которых компенсирует его последствия в объеме, определенном законом или договором. Именно с этой точки зрения система защиты от социальных рисков является многоуровневой: меры по компенсации социального риска, гарантированные законом, могут дополняться теми, которые установлены в актах социального партнерства, а также теми, которые предусмотрены гражданско-правовым договором. Так может обеспечиваться размер наиболее полной компенсации последствий социального риска.

К примеру, в нашей стране в настоящее время законодатель стремится сформировать полноценную трехуровневую пенсионную систему: первый уровень будет представлен страховой либо государственной пенсией; второй уровень – корпоративной, формируемой работодателем при возможном участии работника на основании трудового, коллективного договоров либо отраслевого соглашения; третий –

частной пенсией, формируемой самим человеком в порядке добровольного пенсионного страхования либо в иных частноправовых моделях¹.

Эта модель открывает гражданину возможность проявить себя наиболее активно как субъекту управления социальными рисками, не утрачивая при этом доверия к проводимой государством политике. В случае, если различные меры защиты от рисков сбалансированы, это позволяет достичь оптимального уровня защищенности, свободно жить и достойно развиваться, как того требуют международные стандарты социальной защиты.

Переходная модель управления социальными рисками, исходя из предлагаемого наименования, не является основной. Она, как правило, проявляется в периоды социально-экономических и политико-правовых преобразований, предполагает поиск, апробацию, выбор и укоренение в социальной практике новых параметров соотношения участия разных субъектов в управлении социальными рисками.

Одной из основных особенностей современной жизни становятся трансформации, обусловленные цифровизацией экономики, наступлением информационного общества. Эти изменения затрагивают практически все страны и практически всех сферы, не исключая и защиту от социальных рисков.

В 1960–1970 гг. можно было, к примеру, говорить о Франции как о состоявшемся государстве всеобщего благосостояния, в котором посредством установления целостной системы социального обеспечения не только достигло социальной стабильности для большинства граждан (подавляющее большинство населения было защищено от основных социальных рисков), но и не допустило другой крайности – тотального уравнивания [20]. Такое заключение было справедливо для большинства правовых систем государств Западной Европы.

Сегодня усилению тенденций индивидуализации, персонификации, снижению значимости солидарности, в рамках которой государство гарантированно предоставляло гражданам экономические блага, переходу к обще-

ству, основанному на активной индивидуальной ответственности за свое благосостояние, сопутствует изменение рамок социального разделения и осознания персональных и общественных интересов. По мнению социологов, в настоящее время трансформируются сами основы солидарности – общество может как сплотиться, так и окончательно разделиться перед угрозой рисков [31].

В первую очередь система управления социальными рисками испытывает влияние изменений, происходящих в экономике и на рынке труда. Следует учитывать, что условия и порядок компенсации социальных рисков средствами социального обеспечения во многом зависят от того, в какой форме реализовал гражданин свое право на труд. Поэтому материальные блага могут предоставляться ему как члену общества (в рамках государственной социальной помощи) либо как застрахованному лицу (в порядке обязательного социального страхования). Кроме того, значение имеет и сфера деятельности лица.

Сегодня структура занятости населения приобретает новые очертания, в первую очередь за счет самозанятости и дистанционного труда. Это повлечет неизбежную корректировку механизма защиты от социальных рисков, прежде всего ее финансовой составляющей, поскольку в рамках названных видов деятельности трудовой стаж лица может не исчисляться, доходы могут быть нестабильными, что не позволит сформировать социальные права на приемлемом уровне. Лицу будут предоставляться лишь минимальные выплаты, и лишь в некоторых случаях.

Так, самозанятые лица не могут быть признаны безработными, поскольку, согласно законодательству², они уплачивают налог на профессиональный доход от своей деятельности, т. е. встают на учет в налоговом органе в качестве налогоплательщика, что предполагает осуществление ими экономически активной деятельности и исключает признак отсутствия работы и заработка (дохода).

¹ См.: *Стратегия* долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 25 дек. 2012 г. № 2524-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 2, ст. 8029.

² *О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»* в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): Федер. закон Рос. Федерации от 27 нояб. 2018 г. № 422-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 49, ч. 1, ст. 7494.

Наступление неблагоприятных последствий социального риска нездоровья не повлечет за собой установления таким лицам пособия по временной нетрудоспособности, поскольку в настоящее время для самозанятых граждан даже не предусмотрена возможность добровольного вступления в правоотношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Гарантированная поддержка будет оказана лишь в рамках бесплатной медицинской помощи, чего, как известно, для полноценного преодоления названного социального риска явно недостаточно. Стойкая утрата трудоспособности вследствие инвалидности либо старости будет компенсирована социальной пенсией, так как самозанятые лица не уплачивают взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации в обязательном порядке.

Чтобы обеспечить себе права в этой сфере, самозанятому лицу необходимо, например, добровольно вступить в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию. Тогда, при условии регулярной уплаты страховых взносов, оно сможет обеспечить себе пенсию, хотя и в незначительном размере. Более высокий уровень компенсации социального риска возможен в рамках добровольного страхования, однако это требует значительных финансовых ресурсов и, кроме того, само по себе содержит элемент риска, поскольку государство не выступает гарантом выплаты страхового обеспечения.

Можно увидеть масштаб и сложность проблемы поиска более современных методов управления социальными рисками. На первый план выходят новые формы защиты, например, предупреждение возникновения социального риска. Должна быть упрочена роль семьи. Не случайно в Преамбуле Закона США «О личной ответственности и согласовании возможностей работы (PL 104–193)» 1996 года, которую называют Законом о реформе социального обеспечения, зафиксировано, что семья является основой успешного общества, брак – его основной институт, направленный на защиту интересов детей, а ответственное материнство и отцовство обязательны для их благополучия¹.

Поэтому можно говорить о том, что большинство стран в настоящее время находятся в поиске новых возможностей в плане управления социальными рисками, т. е. черты переходной модели проявляются достаточно отчетливо. Более того, элементы данной модели будут приобретать все большую актуальность по мере цифровизации экономики и сопутствующих ей процессов во всем мире. Соответствующие изменения претерпевают и национальные системы социального обеспечения, будучи «включенными» в механизм управления социальными рисками в качестве его публично-правового, относительно стабильного компонента. Не случайно Ю. В. Васильева при исследовании проблемы становления императива российского права социального обеспечения в числе ключевых факторов, влияющих на трансформацию отрасли, называет наряду с переходом России к рыночной экономике и демографическими изменениями также изменения в трудовых отношениях и структуре занятости населения [3, с. 469].

Применительно к гражданину, в зависимости от его заинтересованности в вопросе защиты от социального риска и готовности к самостоятельным действиям в этом направлении, можно говорить о таких моделях управления социальными рисками, как пассивная и активная.

Пассивная модель управления социальными рисками неоднородна. Представляется, что в ней можно выделить такие виды, как *изжидивенческая* и *нейтральная (индифферентная)*.

В рамках *индифферентной модели* индивид может пользоваться мерами защиты от социальных рисков, гарантированных в рамках ее публично-правовых моделей. Однако он не проявляет заинтересованности, активности в этой сфере. Возможны ситуации, когда он несвоевременно обращается либо вообще не обращается за реализацией права на социальные предоставления.

Мы полагаем, что такая модель управления социальными рисками не существует в чистом виде из-за того, что государство устанавливает систему социальной защиты не произвольно. К примеру, повышение заболеваемости, отсутствие помощи могут повлечь временное или постоянное оставление работы, отсутствие у людей средств к существованию, неуплату налогов, проблемы в экономике. Невозможность удовлетворения жизненно важных потребно-

¹ *The Personal Responsibility and Work Opportunity Reconciliation Act of 1996 (P.L. 104-193)*. URL: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ193/PLAW-104publ193.pdf>.

стей членами общества, проигнорированная государством, в принципе может привести к дестабилизации политической обстановки в стране. Поэтому защищенность граждан от социальных рисков – важная составляющая социальной политики.

Государство, устанавливая меры защиты от рисков, формализует их вовне, в нормах права, и именно внешнее выражение норм права – источники права делают их общедоступными с точки зрения получения гражданами необходимой информации.

Поэтому информационная составляющая приобретает большое значение, поскольку отсутствие знаний о своих правах в сфере защиты от социальных рисков порождает низкую степень заинтересованности в такой защите. Право социального обеспечения – отрасль права, где формализуются наиболее актуальные для граждан права. И ученые, и практики справедливо указывают на излишнюю громоздкость нормативных установлений, малопонятность формулировок, частую модификацию нормативного материала. Отсутствие разъяснительной работы, излишне комплексная структура и малопонятное содержание нормативных правовых актов приводят к тому, что люди неточно представляют, какой смысл вкладывается в законодательное закрепление категории социальных рисков и правил защиты от них, а находясь в ситуации социального риска, не знают, какие предоставления им положены, поэтому не всегда обращаются за необходимыми социальными выплатами и услугами.

Надежность защиты от социальных рисков – важное качество рассматриваемой нами системы. Гражданам важно точно знать условия компенсации социальных рисков, размеры и пределы такой компенсации. Поэтому нормативные установления в этой сфере должны быть выражены исчерпывающим образом, логично, доступными языковыми средствами. Кроме того, источники необходимой информации должны быть общедоступны.

Лишь в последнее время в России началась разъяснительная работа о правилах установления пенсий, выплаты материнского (семейного) капитала, иных социальных предоставлений. Этому во многом должна способствовать Единая государственная информационная система социального обеспечения. Активизирована информационная кампания, направленная на про-

филактику социальных рисков – отказ от курения, следование здоровому образу жизни, прохождение диспансеризации. Необходимость таких действий очевидна, поскольку длительное доминирование патерналистской модели управления социальными рисками привело к представлению о компенсации рисков как о деятельности, не требующей участия лица, и, следовательно, к незаинтересованности в получении и дальнейшем использовании необходимой информации.

Иждивенческая модель в чистом виде практически не существует, однако ее черты могут проявляться в системе управления социальными рисками более или менее отчетливо. Это выражается в том, что индивид стремится пользоваться публично-правовыми мерами защиты от социального риска при малейшей возможности, иногда даже в случаях, когда социальный риск не реализуется (такую ситуацию можно охарактеризовать как мнимый социальный риск).

При такой модели у граждан отсутствует понимание содержательной составляющей и цели защиты от социального риска, но присутствует желание получить материальные блага, не оглядываясь на общественную солидарность. Кроме того, при такой поведенческой модели человек стремится к расширению видов защиты от риска, активно выступает за увеличение размеров выплат. Такая модель в принципе может граничить со злоупотреблением правом на социальное обеспечение.

Следует учитывать, что такое поведение граждан как субъектов системы управления социальными рисками отчасти может быть вызвано дефектами социального законодательства и практики его применения. В частности, недостаточно четкие формулировки условий предоставления социальных выплат и услуг могут привести к тому, что граждане будут обращаться за ними, не имея для этого реальных оснований. В качестве примера можно привести ситуацию выплаты ежемесячного пособия по уходу за ребенком, не достигшим возраста полутора лет, отцам или другим членам семьи, которые, оформив отпуск по уходу за ребенком, работают в режиме неполного рабочего времени. Поскольку часть 2 статьи 11.1 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в

связи с материнством»¹ не устанавливает требования к максимальной продолжительности рабочего времени, дающей право на такую выплату, практика применения данной нормы не отличается единообразием и стабильностью. Фонд социального страхования Российской Федерации разъяснил, что сокращение рабочего времени на 5, 10, 30 или 60 минут в день само по себе возможно, но не может служить основанием для выплаты работнику пособия, поскольку при таких обстоятельствах он не может надлежащим образом осуществлять уход за ребенком². С точки зрения концепции социального риска можно утверждать, что в подобных случаях отсутствует факт реализации социального страхового риска в виде утраты заработка по причине осуществления ухода за ребенком.

Разновидность иждивенческой модели – социальный туризм: переезд граждан экономически менее развитых государств на постоянное место жительства в страны, имеющие более развитые системы социального обеспечения, в целях получения различных пособий и льгот. О. С. Курченко характеризует его как ситпозицию злоупотребления правом на социальное обеспечение. Данное явление, безусловно, не находит поддержки в принимающих государствах, поскольку влечет увеличение финансовой нагрузки на национальные системы социального обеспечения. Это подтверждается решениями судов, содержащими положения о праве государства отказывать в предоставлении социальной помощи тем «экономически неактивным» гражданам, которые используют свободу передвижения из одной страны в другую с единственной целью – получение социального предоставления в принимающем государстве [11, с. 159].

Идея о том, что лицо должно предпринимать усилия, чтобы самостоятельно обеспечивать себе и своей семье средства к существованию, исключая зависимость от государства и общества, не является новаторской. Например, в Конвенции МОТ № 168 «О содействии заня-

тости и защите от безработицы» 1988 г.³ подчеркивается важность труда и продуктивной занятости в любом обществе не только в связи с ресурсами, которые создаются таким образом, но и в связи с доходом, получаемым работниками, их социальной ролью и чувством самоуважения. Такая взаимосвязь должна быть приоритетом проводимой государством политики, направленной на содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости всеми мерами, включая социальное обеспечение. Основным источником средств существования, по смыслу Конвенции, должна быть заработная плата либо иной доход, получаемый лицом. Активная позиция граждан, участие в общественно полезной деятельности способствуют развитию экономики, а привычка получать средства от государства в виде пособий, компенсаций быстро приводит к социальному иждивенчеству. Рекомендацией МОТ № 67 «Об обеспечении дохода» 1944 г.⁴ предусмотрено, что пособия должны восполнять утраченный заработок, с надлежащим учетом семейных обязанностей, до такого предела, который возможен без ослабления стремления возобновить работу, если это возобновление возможно, и без возложения на производителей такого тяжелого бремени расходов, которое мешало бы выпуску продукции и степени обеспечения занятости.

Таким образом, иждивенческая модель управления социальными рисками не соответствует интересам ни государства, ни общества, которые, следовательно, должны быть заинтересованы в создании условий для ее искоренения.

Решению данной задачи служит принцип адресности компенсации социальных рисков. Несмотря на критическое отношение к этому принципу, сформировавшемуся в науке права социального обеспечения, его можно считать эффективным средством в части управления социальными рисками. К примеру, тенденция последнего времени – уточнение (конкретизация) параметров отдельных видов социального риска. Так, в декабре 2015 года были внесены изменения в закон РФ от 15 мая 1991 г.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 18.

² О праве на ежемесячное пособие по уходу за ребенком, когда лицо, находящееся в отпуске по уходу за ребенком, работает на условиях неполного рабочего времени и продолжает ухаживать за ребенком [Электронный ресурс]: письмо Фонда соц. страхования Рос. Федерации от 19 янв. 2018 г. № 02-08-01/17-04-13832л. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/jobsles.shtml.

⁴ Об обеспечении дохода: рекомендация МОТ от 12 мая 1944 г. № 67 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. Женева: Междуна. бюро труда, 1991. Т. 1. С. 591–612.

№ 1244-I «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», установившие дополнительное условие предоставления социальных выплат, услуг и иных мер социальной защиты: постоянное проживание граждан на загрязненных радиацией территориях в течение определенного периода (например, в течение 1 года в зоне отселения, 3 лет – в зоне с правом на отселение) непосредственно перед предоставлением таких мер¹. Поводом для установления «ценза проживания» стали участвовавшие злоупотребления со стороны граждан, регистрирующихся по месту жительства на загрязненных территориях, но фактически не проживающих в них, что зачастую приводило к безосновательному предоставлению мер социальной поддержки, без реализации их целевого назначения – компенсации риска в связи с проживанием там².

Активная борьба с иждивенческой моделью ведется во всех странах. Так, в структуре администрации Нью-Йорка действует программа «Защита от мошенников». Как отмечают В. П. Сальников и В. Б. Романовская, она направлена на защиту социальной службы от лиц, которые пытаются использовать ее в корыстных интересах, и включает в себя общий отдел по расследованию, отдел по расследованию медицинского мошенничества и отдел по взысканию убытков, причиненных этим мошенничеством. При этом расследование злоупотреблений может проводиться как в отношении клиентов службы, так и в отношении врачей, фармацевтов, медицинских учреждений. Выявленные нарушения передаются в прокуратуру и в суд [18, с. 102].

Активная модель управления социальными рисками предполагает деятельное участие

граждан в части защиты от рисков, в том числе в деле самостоятельного создания дополнительных мер защиты от социального риска, и является, по нашему мнению, наиболее продуктивной.

Основная функция системы социального обеспечения не ограничивается предоставлением гражданам материальных благ в целях удовлетворения их жизненно важных потребностей, это и помощь в преодолении риска в более широком смысле. Г. Листер указывает, что, например, предоставление достойных выплат одиноким родителям может сыграть ключевую роль в принятии решения женщиной с ребенком прекратить жестокие или оскорбительные семейные отношения [27, р. 4]. Таким образом, управление социальными рисками, преодоление трудных жизненных обстоятельств во многом связаны с активными действиями граждан.

Стратегия управления социальными рисками, как уже отмечалось, гораздо глубже традиционных форм социального обеспечения – компенсации социальных рисков, точнее, неблагоприятных последствий их реализации, и включает в себя меры профилактики. Эта стратегия претендует на статус глобальной и основывается на объемном понимании социальных рисков: воздействие на любые риски, приводящие к уменьшению либо утрате благосостояния, может осуществляться в ее рамках. Управление социальными рисками должно базироваться на новом отношении к индивидуальной и коллективной ответственности за каждый риск, на внутренних и внешних причинах рисков и субъектах управления ими, на поиске оптимальных способов управления для каждого из рисков [28, р. 69]. Поэтому, будучи включенным в систему управления социальными рисками, гражданин не может не иметь обязанностей. Эти обязанности, предусматривающие защиту от социального риска, затрагивают преимущественно сферу предупреждения и профилактики рисков.

Гражданин должен заботиться о своем здоровье, поскольку основные социальные риски обусловлены причинами, связанными с ухудшением состояния здоровья. Положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан», закрепившие данную обязанность, развиты в нормативных правовых актах разной отраслевой принадлежности. Обязанность заботиться о здоровье, гигиеническом воспитании и обучении детей, не предприни-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости: Федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2015 г. № 388-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ч. 1, ст. 8.

² Пояснительная записка к законопроекту № 911768-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости» // Федер. собрание Рос. Федерации. Гос. Дума РФ: [официальный сайт]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=911768-6&02>.

мать действий, которые могут нарушить права других граждан на охрану здоровья и благоприятную среду обитания, рассматривается в Федеральном законе от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»¹ как одно из направлений реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду. Охраняя здоровье иных граждан от воздействия табачного дыма и последствий потребления табака², граждане обязаны не только не допускать действий, нарушающих права других граждан на благоприятную среду жизнедеятельности без окружающего табачного дыма, но и формировать у детей отрицательное отношение к потреблению табака.

Не обходит вниманием этот вопрос и трудовое законодательство. Трудовой кодекс РФ, закрепляя основную цель системы охраны труда как сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, относит к обязанностям работодателя в этой области обучение работников безопасным методам и приемам выполнения работ и проведение проверок знания требований охраны труда, а к обязанностям работников – соблюдать требования охраны труда, проходить обучение и проверку знаний. Работники обязаны в установленных законом случаях проходить предварительные и периодические медицинские осмотры, что также способствует сохранению их здоровья. Немаловажен вопрос организации труда, некоторые зарубежные специалисты говорят о том, что она – настоящий показатель старения на работе и, одновременно, качество старения на работе говорит многое об организации труда. Старение, безусловно, во многом зависит от вида занятости [19, pp. 34–35]. Поэтому наступление социальных рисков связывается и с этим фактором.

Активная модель предполагает обоснованное обращение за компенсацией социального риска. Так, хотя нетрудоспособность лица, обратившегося за страховой пенсией, презюмиру-

ется и доказательств не требует³, пенсия по старости не назначается автоматически, что подразумевает необходимость осознания социального риска и обращения к уполномоченному субъекту. В настоящее время активность лиц старшего поколения возрастает. Это подчеркивается в докладе Всемирной организации здравоохранения «О старении и здоровье», где отмечается экономическая необходимость адаптации общества к изменениям возрастной структуры населения в целях минимизации расходов, связанных с его старением, а также извлечения максимальной пользы из того вклада, к которому способны пожилые люди, – посредством трудового участия в формальном и даже неформальном секторах экономики, налоговых отчислений, стабильной покупательской способности, материальной и имущественной помощи молодому поколению, и также многих других преимуществ для семьи и общества [32, p. 16].

Такая тенденция не могла не найти отражения в правовом регулировании социального обеспечения этой возрастной группы. Признавая право названных граждан на заслуженную пенсию и поощряя их трудовую деятельность, законодатель устанавливает возможность одновременного получения заработной платы и страховой пенсии по старости. Таким образом, имея больший уровень достатка, пожилые люди получают возможность более успешно преодолевать самые различные трудные обстоятельства, включая социальные риски.

Объективная необходимость достаточных ресурсов для пожилых людей проявляется и в динамике французского законодательства. Г. Лотье подчеркивает, что ни Трудовой кодекс Французской Республики, ни Кодекс социального обеспечения не закрепляют границу возраста, достигнув которую, лицо обязано выйти на пенсию по старости. Исключения из этого правила крайне редки и относятся, к примеру, к государственной службе [26, p. 42]. Сохранявшееся до конца прошлого века законодательное ограничение на сочетание «работа – пенсия по старости» в настоящее время постепенно смягчается. Так, согласно статье L.351–15 Кодекса социального обеспечения, застрахованное ли-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14, ст. 1650.

² Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: Федер. закон Рос. Федерации от 23 фев. 2013 г. № 15-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8, ст. 721.

³ О страховых пенсиях: Федер. закон Рос. Федерации от 28 дек. 2013 г. № 400-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52, ч. 1, ст. 6965.

цо, достигшее пенсионного возраста и имеющее необходимый страховой стаж, имеет право работать на условиях неполного рабочего времени и одновременно получать как основную, так и дополнительную пенсию в рамках обязательных режимов.

Одновременно рассматриваемые механизмы правового регулирования содержат нюансы, акцентирующие обоснованность обращений за пенсиями. Так, страховая пенсия по старости увеличивается лишь в случае, если застрахованное лицо отложит ее назначение. Кроме того, индивидуальный пенсионный коэффициент, который может сформироваться у лица, работающего и получающего названную пенсию, значительно ниже, чем у лица, для которого основным источником дохода является заработная плата.

Что касается французского законодательства, то им определено, что совокупный доход лица не должен превышать установленной величины: либо размер заработной платы, получаемой им непосредственно перед назначением пенсии, либо 2 346,59 евро в месяц [29]. В случае превышения данного порога размер выплачиваемой пенсии пропорционально уменьшается. Кроме того, согласно части 2 статьи L.351–16 названного Кодекса, лицо, оставившее неполную занятость и обратившееся за назначением ему полного размера пенсии, не может вновь заявить об установлении ему позиции «работа – пенсия». Представляется, что приведенное правило как нельзя лучше демонстрирует необходимость действительного наступления социального риска старости, осознания его гражданином и заявления о предоставлении компенсации в виде пенсии.

Подчеркнем, что активность, деятельность лица должна быть правомерной. В противном случае государство и общество могут отказать в защите от риска. Определенные действия граждан могут привести к тому, что государство может отказаться полностью либо частично от компенсации социальных рисков. Не назначаются пенсии за выслугу лет бывшим военнослужащим, лишенным в установленном порядке воинских или специальных званий¹. Сниже-

ние размера пособия по временной нетрудоспособности также является, по существу, правовым последствием неисполнения застрахованным лицом обязанности соблюдать режим лечения, определенный на период временной нетрудоспособности, и правил поведения в медицинских организациях². При этом если здесь пособие снижается с момента допущенного нарушения, то, в случае когда заболевание либо травма наступили вследствие алкогольного, наркотического, токсического опьянения или действий, связанных с таким опьянением, размер пособия снижается на весь период нетрудоспособности лица. Предусмотрены и правовые последствия виновного поведения работника, повлекшего несчастный случай на производстве либо приведшего к профессиональному заболеванию. При этом различаются грубая неосторожность, содействовавшая возникновению или увеличению вреда, причиненного здоровью лица, когда размер ежемесячных страховых выплат уменьшается, и умысел (подтвержденный заключением правоохранительного органа), когда вред, возникший как его результат, возмещению не подлежит³. Кроме того, в последнее время широко обсуждается вопрос введения различных ограничительных мер для трудоспособных лиц, не желающих заниматься экономически активной, приносящей доход деятельностью.

Приведенные примеры свидетельствуют об активном поведении индивида в части управления социальными рисками касательно себя. Однако данная модель проявляется и в отношении иных субъектов. Наглядный пример – семейные обязанности. Потеря дохода из-за оставления трудоспособным лицом трудовой деятельности в целях ухода за пожилым родственником, инвалидом, безусловно, компенсируется

системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей: закон Рос. Федерации от 12 февр. 1993 г. № 4468-I // Ведомости Съезда нар. депутатов Рос. Федерации и ВС Рос. Федерации. 1993. № 9, ст. 328.

² Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: Федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2006 г. № 255-ФЗ. Ст. 18.

³ Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3803.

¹ О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной

в системе социального обеспечения¹, однако размер предоставляемой выплаты невелик, поэтому подобный шаг ухаживающего можно расценивать именно как его действия, направленные на защиту другого лица от реализовавшихся последствий социального риска.

Защита может осуществляться и в отношении людей, не являющихся гражданину родственниками или членами семьи. Система управления социальными рисками включает самые разные способы и методы. Ограничимся примером взаимодействия работодателя и работника. Заключение трудового договора гарантирует работнику условия труда, соответствующие требованиям безопасности и гигиены, выплаты заработной платы. Таким образом работодатель принимает участие в защите работника от возможного социального риска бедности, а установление системы охраны труда – от социального риска нездоровья.

Участие в благотворительной и добровольческой деятельности также может рассматриваться как активность граждан в системе управления социальными рисками. Определение названной деятельности в законодательстве² как добровольной, направленной на бескорыстную передачу денежных средств, оказание услуг, иные виды поддержки акцентирует ее целевую направленность – помощь иным гражданам, находящимся в сложных жизненных обстоятельствах.

В рамках активной модели управления социальными рисками можно говорить о таких ее разновидностях, как *самостоятельное управление* социальными рисками, а также *участие в таком управлении во взаимодействии с другими субъектами*.

Самостоятельная защита от социальных рисков в первую очередь проявляется в том, что лицо предпринимает самые различные действия, направленные не только на компенсацию, но и на предупреждение социальных рисков. Помимо уже обозначенных заботы о сохранении здоровья, соблюдения правил охраны труда, можно отметить и иные аспекты.

Известно, что чем выше доходы лица, тем, как правило, выше размеры компенсации социальных рисков. Получение высокой оплаты труда зависит, в том числе, от профессионального уровня лица. Квалифицированный работник, эффективно выполняющий свои обязанности, более стабилен с позиции его настоящей и будущей занятости, его заработок обычно выше, потенциальные возможности самостоятельного преодоления социальных рисков больше. Дж. Болони подчеркивает, что лица с низкой квалификацией существовали всегда. Занятые в послевоенный период в обрабатывающей промышленности, они могли зарабатывать достаточно за счет повышения производительности труда, обусловленной технологическими достижениями и поддержкой профсоюзов. Их заработная плата повышалась, как и у остальной части населения, что стало гарантией безбедного существования. В настоящее время такие лица заняты преимущественно в сфере обслуживания, где мало возможностей для повышения производительности труда. Таким образом, заключает автор, в странах, где заработная плата определяется на основе рыночных механизмов (США, Великобритания, Швейцария), такие лица весьма подвержены риску бедности. В тех странах, где установление заработной платы подконтрольно правительствам, посредством определения минимального размера оплаты труда, либо социальным партнерам, устанавливающим гарантии в соответствующих актах, такие работники защищены, но создание новых рабочих мест ограничено, поэтому фактически такие лица подвержены риску безработицы [19, р. 434].

Гражданин должен занимать активную позицию и по отношению к формированию своих социальных прав. Это правило пока не является всеобщим в системе социального обеспечения России, но оно уже получило свое закрепление и применение в рамках обязательного пенсионного страхования. Так, застрахованные лица имеют право беспрепятственно получать от работодателя сведения о начислении страховых взносов и осуществлять контроль за их перечислением в Пенсионный фонд РФ³. И хотя закон относит эти действия к разряду прав, пря-

¹ О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами: указ Президента РФ от 26 дек. 2006 г. № 1455 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 201.

² О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федер. закон Рос. Федерации от 11 авг. 1995 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3340.

³ Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 15 дек. 2001 г. № 166-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4832.

мая зависимость как установления будущей пенсии, так и ее размера от начисленных и уплаченных страховых взносов позволяет говорить о том, что такое право *должно* быть реализовано гражданином. Государство способствует этому процессу, разместив на официальном сайте Пенсионного фонда РФ личный кабинет каждого застрахованного лица. При этом, если лицо осуществляло оплачиваемую деятельность, но как страхователь не уплачивало соответствующие взносы в Пенсионный фонд РФ, в назначении страховой пенсии по старости может быть отказано ввиду отсутствия необходимой величины индивидуального пенсионного коэффициента.

Можно выделить *координационную модель*, предполагающую сотрудничество равных субъектов, и *субординационную модель*, когда деятельность по защите от социальных рисков осуществляется под чьим-то руководством, в рамках выполнения воли публичного субъекта, руководителя организации.

Примером координационной модели управления социальными рисками можно признать активность граждан в контексте будущего пенсионного обеспечения – заботу о самостоятельной частичной компенсации отдельных социальных рисков. Безусловно, основные риски должны компенсироваться государством, что прямо вытекает из смысла части 1 статьи 39 Конституции РФ¹, однако гражданин может обеспечить для себя дополнительные предоставления, способные улучшить качество его жизни. Согласно части 3 статьи 39 Конституции РФ, в нашей стране поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения. Одной из задач Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, как уже отмечалось, заявлено развитие трехуровневой пенсионной системы для групп с разными доходами с опорой на добровольное пенсионное страхование и негосударственное пенсионное обеспечение для лиц, имеющих средние и высокие доходы.

Уместно подчеркнуть, что во Франции 9 ноября 2010 г. был принят закон № 2010-1330 о реформировании пенсионного обеспечения²,

который также направлен на усиление фактора личного участия граждан в формировании своих пенсионных выплат. Этот закон закрепил понятие пенсионных сбережений. Согласно статье 107 Закона, они призваны дополнить пенсии по обязательным режимам и позволяют с момента выхода на пенсию по старости получать доход от сбережений, сформированных индивидуально либо коллективно на основе обязательных либо добровольных отчислений, в частном порядке либо в период профессиональной деятельности лица. Это определение – своего рода обобщающий термин, призванный объединить и сделать более доступными нормы права, содержащиеся в различных кодексах (Кодексе страхования, Трудовом кодексе, Кодексе социального обеспечения, др.). По мнению специалистов, оно должно подчеркнуть, что цель пенсионных сбережений – дополнить пенсии, выплачиваемые в рамках обязательных режимов, но не подменять собой пенсионную систему [25, р. 58].

Субординационная модель может иметь различные проявления. Отметим необходимость уплаты работодателем взносов на обязательное социальное страхование, деятельность в сфере охраны труда, др.

Заключение

Развитие социального законодательства как в Российской Федерации, так и в других странах демонстрирует признание за гражданином статуса не только управомоченного субъекта социально-обеспечительных правоотношений, но и активного субъекта управления социальными рисками. В этом качестве гражданин обретает возможность формировать дополнительные уровни защиты от социальных рисков, а также несет обязанности по предупреждению социального риска, например заботится о своем здоровье, здоровье и воспитании своих несовершеннолетних детей, а если является наемным работником – соблюдает требования охраны труда и т.п.

Поэтому, не умаляя значения объективной концепции социального риска, укрепившейся в праве социального обеспечения, можно констатировать, что в условиях перераспределения между государством и гражданином ответственности за социальное благополучие личности в характеристике социального риска заметно

¹ URL: <http://www.constitution.ru/>.

² Loi № 2010-1330 du 9 novembre 2010 portant réforme des retraites. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000023022127&categorieLien=id>.

возросла доля субъективного компонента. Помимо традиционного для системы социального обеспечения заявительного принципа предоставления социальных выплат, благ и услуг это проявляется в возможности влиять на условия и объем социального обеспечения (например, путем участия в дополнительном пенсионном или ином социальном страховании).

Разные факторы влияют на специфику участия граждан в управлении социальными рисками. Наряду с установлением надлежащего законодательного регулирования необходима готовность граждан к такому участию. В значительной мере ее степень определяется уровнем их экономического благополучия, однако свое влияние оказывают также традиции социальной солидарности (в частности, когда речь идет о благотворительной деятельности или волонтерстве).

На этой основе были выделены различные модели управления социальными рисками и показано участие граждан, в том числе в качестве активных субъектов. Главный вывод: необходимо оптимальное сочетание разных моделей управления социальными рисками. Результатом должно стать формирование многоуровневых систем социальной защиты населения. Именно такие ориентиры заложены в конституциях ряда стран, включая Россию.

Библиографический список

1. Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989. 192 с.
2. Быков А. А., Порфирьев Б. Н. Об анализе риска, концепциях и классификации рисков // Проблемы анализа рисков. 2006. Т. 3, № 4. С. 319–337.
3. Васильева Ю. В., Шуралева С. В. К вопросу о становлении и современном состоянии парадигм российского трудового права и права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 454–477. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477.
4. Глухарева Л. И. Обязанности человека и гражданина в контексте теории прав человека // История государства и права. 2009. № 7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Гребенникова Е. В. Субъектность личности: теоретические аспекты проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (134). С. 140–142.
6. Гречук Л. А. Субъекты-получатели в праве социального обеспечения России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2002. 21 с.
7. Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2002. 560 с.
8. Ильин Е. П. Психология риска. СПб.: Питер, 2012. 267 с.
9. Каширин В. П. Субъектность личности и ее истоки // Вестник академии права и управления. 2010. № 20. С. 76–84.
10. Курченко О. С. Государство как субъект права социального обеспечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 23 с.
11. Курченко О. С. Злоупотребление социально-обеспечительными правами: постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2016. № 6 (111). С. 155–166.
12. Лебедева Л. Ф. Политика гарантированного дохода для пенсионеров в США // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 6 (441). С. 1055–1067.
13. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.
14. Мацулевич Ю. С. Граждане как субъекты советского права социального обеспечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 27 с.
15. Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения в условиях рыночной экономики: теория и практика правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 349 с.
16. Поваренков А. Ю. Риск в трудовом праве и праве социального обеспечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2010. 26 с.
17. Право социального обеспечения: учебник для акад. бакалавриата / под ред. В. Ш. Шайхатдинова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 717 с.
18. Сальников В. П., Романовская В. Б. Социальная поддержка населения в США: опыт реализации права на социальное обеспечение // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 99–104.
19. Boloni G. The Politics of the New Social Policies: Providing Coverage against New Social Risks in Mature Welfare States // Policy and Politics. 2005. Vol. 33. Pp. 431–449.
20. Castel R. L'insécurité sociale: qu'est-ce qu'être protégé? Texte communiqué à partir de la rencontre-débat du 16 décembre 2004 organisée par le Centre de Ressources Politique de la Ville en Essonne. URL: http://www.crpve91.fr/Emploi,_economie/Insertion,_emploi/pdf/Renc2G.pdf.
21. Dupeyroux J.-J. Droit de la sécurité sociale. 15e éd. Paris: DALLOZ, 2005. 1245 p.

22. Essentials of Risk Theory / ed. S.Roeser, R. Hillerbrand, P. Sandin, M. Peterson. New York; London: Springer Dordrecht Heidelberg, 2003. 148 p.

23. Fact Sheet. Social Security Administration. URL: <https://www.ssa.gov/news/press/factsheets/basicfact-alt.pdf>.

24. Hellström E., Kosonen M. Gouverner l'État-providence et au-delà des solutions pour un monde complexe et un avenir incertain. URL: <https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2018/01/gouverneretatprovidence-hellstromkosonen-ijdv-15.pdf>.

25. L'année de droit social 2010. Textes, jurisprudence, commentaries / Antonmattei P.-H., Verkindt P.-Y., Vachet G. et autres. Wolters Kluwer France, 2011. 401 p.

26. Lautier Guy. Démission. Départ négocié. Licenciement. Retraite. Sanctions. Paris: Editions Maxima, 2004. 420 p.

27. Lister R. Building citizen's welfare state: The 2000 John Baillie Memorial Lecture. New College, Mound Place, Edinburgh EH 2XL, 2000. 15 p.

28. Pollak C. Essai d'approche positive des nouveaux risqué sociaux // Travail et Emploi. Janvier – Mars 2011. № 125. Pp. 67–77.

29. Retraite du salarié: cumul emploi-retraite. Vérifié le 01 janvier 2016 – Direction de l'information légale et administrative (Premier ministre). URL: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F13243>.

30. Targeting Social Benefits. International Perspectives and Trends / ed. N. Gilbert. International Social Security Series. Vol. 1. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 2001. 232 p.

31. Taylor-Gooby P. Does risk society erode welfare state solidarity? // Policy & Politics. 2011. Vol. 39, № 2. Pp. 158–159. URL: https://www.researchgate.net/publication/233547063_Does_risk_society_erode_welfare_state_solidarity.

32. World Report on Ageing and Health / World Health Organization. Luxembourg, 2015. 246 p.

References

1. Al'gin A. P. Risk i ego rol' v obshchestvennoy zhizni [Risk and Its Role in Public Life]. Moscow, 1989. 192 p. (In Russ.).

2. Bykov A. A., Porfir'ev B. N. Ob analize riska, koncepciyakh i klassifikacii riskov [On the Risk Analysis, Concepts and Classifications]. Problemy analiza riskov – Issues of Risk Analysis. 2006. Vol. 3. Issue 4. Pp. 319–337. (In Russ.).

3. Vasil'eva Yu. V., Shuraleva S. V. K voprosu o stanovlenii i sovremennom sostoyanii pa-

radigm rossijskogo trudovogo prava i prava social'nogo obespecheniya [On the Formation and Current Status of the Paradigms of Russian Labor Law and Social Security Law]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 41. Pp. 454–477. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477. (In Russ.).

4. Glukhareva L. I. Obyazannosti cheloveka i grazhdanina v kontekste teorii prav cheloveka [Duties of Man and Citizen in the Context of the Theory of Human Rights]. Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law. 2009. Issue 7. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. (In Russ.).

5. Grebennikova E. V. Sub'ektnost' lichnosti: teoreticheskie aspekty problemy [Individual's Capacity: Theoretical Aspects]. Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2013. Issue 6 (134). Pp. 140–142. (In Russ.).

6. Grechuk L. A. Sub'ekty-poluchately v prave social'nogo obespecheniya Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Recipients in Social Security Law of Russia: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Tomsk, 2002. 21 p. (In Russ.).

7. Zakharov M. L., Tuchkova E. G. Pravo social'nogo obespecheniya: Uchebnik [Social Security Law: Textbook]. Moscow, 2002. 560 p. (In Russ.).

8. Il'in E. P. Psikhologiya riska [Psychology of Risk]. St. Petersburg, 2012. 267 p. (In Russ.).

9. Kashirin V. P. Sub'ektnost' lichnosti i ee istoki [Individual's Capacity and Its Origins]. Vestnik akademii prava i upravleniya – Bulletin of Academy of Law and Management. 2010. Issue 20. Pp. 76–84. (In Russ.).

10. Kurchenko O. S. Gosudarstvo kak sub'ekt prava social'nogo obespecheniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [State as a Subject of Social Security Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 23 p. (In Russ.).

11. Kurchenko O. S. Zloupotreblenie social'no-obespechitel'nymi pravami: postanovka problemy [Abuse of Social Security Rights: a Problem Statement]. Rossijskij juridicheskij zhurnal – Russian Juridical Journal. 2016. Issue 6(111). Pp. 155–166. (In Russ.).

12. Lebedeva L. F. Politika garantirovannogo dokhoda dlya pensionerov v SShA [The Policy of Guaranteed Retirement Income in the United States of America]. Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika – Regional Economics: Theory and Practice. 2017. Vol. 15. Issue 6 (441). Pp. 1055–1067. (In Russ.).

13. Luhmann N. *Ponyatie riska* [Definition of Risk]. THESIS. 1994. Issue 5. Pp. 135–160. (In Russ.).
14. Maculevich Yu. S. *Grazhdane kak sub"ekty sovetskogo prava social'nogo obespecheniya: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Citizens as Subjects of Soviet Social Security Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1990. 27 p. (In Russ.).
15. Machul'skaya E. E. *Pravo social'nogo obespecheniya v usloviyakh rynochnoj ekonomiki: teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Social Security Law in Market Economy: Theory and Practice of Legal Regulation: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2000. 349 p. (In Russ.).
16. Povarenkov A. Yu. *Risk v trudovom prave i prave social'nogo obespecheniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Risk in Labor and Social Security Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Yaroslavl, 2010. 26 p. (In Russ.).
17. *Pravo social'nogo obespecheniya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. V.Sh. Shajkhatdinova* [Social Security Law: Textbook for Academic Bachelor's Degree Programs; ed. by V. Sh. Shaykhatdinov]. Moscow, 2014. 717 p. (In Russ.).
18. Sal'nikov V. P., Romanovskaya V. B. *Social'naya podderzhka naseleniya v SShA: opyt realizacii prava na social'noe obespechenie* [Social Support of the Population in the U.S: the Experience of Implementing the Right to Social Security]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* – Legal Science: History and the Presence. 2015. Issue 9. Pp. 99–104. (In Russ.).
19. Boloni G. The Politics of the New Social Policies: Providing Coverage against New Social Risks in Mature Welfare States. *Policy & Politics*. 2005. Vol. 33. Pp. 431–449. (In Eng.).
20. Castel R. L'insécurité Sociale: Qu'est-ce Qu'être Protégé? Texte Communiqué à Partir de la Rencontre-Débat du 16 Décembre 2004 Organisée par le Centre de Ressources Politique de la Ville en Essonne. Available at: http://www.crpve91.fr/Emploi_economie/Insertion_emploi/pdf/Renc2G.pdf (In Fr.).
21. Dupeyroux J.-J. *Droit de la Sécurité Sociale*. 15th ed. Paris, 2005. 1245 p. (In Fr.).
22. *Essentials of Risk Theory*; ed. by S. Roeser, R. Hillerbrand, P. Sandin, M. Peterson. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer, 2003. 148 p. (In Eng.).
23. Fact Sheet. Social Security Administration. Available at: <https://www.ssa.gov/news/press/factsheets/basicfact-alt.pdf> (In Eng.).
24. Hellström E., Kosonen M. Gouverner l'État-Providence et au-Delà des Solutions Pour un Monde Complexe et un Avenir Incertain. Available at: <https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2018/01/gouverneretatprovidence-hellstrom-kosonen-ijd-ves-dec15.pdf> (In Fr.).
25. *L'année de Droit Social 2010*. Textes, Jurisprudence, Commentaries; P.-H. Antonmattei, P.-Y. Verkindt, G. Vachet et autres. Wolters Kluwer France, 2011. 401 p. (In Fr.).
26. Lautier G. Démission. Départ Négocié. Licenciement. Retraite. Sanctions. Paris, 2004. 420 p. (In Fr.).
27. Lister R. Building Citizen's Welfare State: The 2000 John Baillie Memorial Lecture. New College, Mound Place, Edinburgh EH 2XL, 2000. 15 p. (In Eng.).
28. Pollak C. Essai D'approche Positive des Nouveaux Risqué Sociaux. *Travail et Emploi*. January–March 2011. Issue 125. Pp. 67–77. (In Fr.).
29. *Retraite du Salarié: Cumul Emploi-Retraite*. Vérifié le 01 Janvier 2016 – Direction de l'information Légale et Administrative (Premier Ministre). Available at: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F13243> (In Fr.).
30. *Targeting Social Benefits*. International Perspectives and Trends; ed. by N. Gilbert. International Social Security Series. Vol. 1. New Brunswick, New Jersey, 2001. 232 p. (In Eng.).
31. Taylor-Gooby P. Does Risk Society Erode Welfare State Solidarity? *Policy & Politics*. 2011. Vol. 39. Issue 2. Pp. 158–159. Available at: https://www.researchgate.net/publication/233547063_Does_risk_society_erode_welfare_state_solidarity (In Eng.).
32. *World Report on Ageing and Health*. World Health Organization. Luxembourg, 2015. 246 p. (In Eng.).